А. Брилліантовъ.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ

УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ПРОФ. В. В. БОЛОТОВА,

КАКЪ ЦЕРКОВНАГО ИСТОРИКА.

(† 5 апр. 1900).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. П. Лопухина. Тѣлѣжная ул. 5.
1901.

Изъ „Христіанскаго Чтенія“, 1901, апрѣль, 467—497.

045
37

Профессоръ Василь[illegible]

(съ фотографіи [illegible])

Къ характеристикѣ ученой дѣятельности профессора В. В. Болотова, какъ церковнаго историка.

(† 5 апр. 1900).

ВЪ ПРОИЗНЕСЕННЫХЪ при погребеніи Василія Васильевича Болотова рѣчахъ и въ полученныхъ Академіею съ разныхъ сторонъ заявленіяхъ скорби по поводу тяжкой утраты, понесенной наукою съ его смертію, нашла въ свое время ясное выраженіе непосредственная оцѣнка въ общемъ сознаніи всѣхъ, знавшихъ почившаго ученаго, его высокаго значенія. Въ некрологахъ, посвященныхъ его памяти, были уже отчасти отмѣчены главныя стороны и важнѣйшіе факты его ученолитературной дѣятельности и указаны его заслуги для науки [1]).

Полная характеристика и точная оцѣнка Василія Васильевича, какъ ученаго, однако пока невозможны. Возможность для нихъ откроется, когда приведено будетъ въ извѣстность и сдѣлается доступнымъ для изученія въ цѣломъ видѣ его ученое наслѣдство. Но и тогда это будетъ дѣломъ

[1]) См. „Церковный Вѣстникъ“ 1900, № 16 (также въ отдѣльномъ изданіи: „Вѣнокъ на могилу проф. В. В. Болотова“) и тамъ некрологъ, принадлежащій *проф. П. Н. Жуковичу*. Изъ другихъ некрологовъ ср. особенно: „Тверскія епарх. вѣдомости“ № 11; „Вѣстникъ Европы“, іюль 416—418 (*В. С. Соловьева*); Журналъ Министерства Нар. Просвѣщенія, октябрь, 81—101 (*Б. А. Тураева*); „Византійскій Временникъ“, 614—620 (*Б. М. Меліоранскаго*). Біографическій очеркъ изданъ *М. Рубцовымъ*: «В. В. Болотовъ». Тверь, 1900.—Настоящій очеркъ составился изъ посвященныхъ памяти Василія Васильевича лекцій, читанныхъ въ началѣ курса по общей церковной исторіи въ 1900 г.

нелегкимъ. Василій Васильевичъ представляетъ такую величину, что объ немъ можно, кажется, повторить то, что̀ замѣчено объ одномъ изъ наиболѣе уважаемыхъ имъ ученыхъ, Альфредѣ фонъ-Гутшмидѣ, издателемъ сочиненій послѣдняго: если бы ему пришлось въ рѣчи о себѣ вполнѣ точно опредѣлять объемъ и цѣль своей ученой дѣятельности, какъ это требуется, напр., при вступленіи въ члены Берлинской Академіи Наукъ, онъ и самъ, можетъ быть, былъ бы поставленъ чрезъ это въ затруднительное положеніе. Правда, для Василія Васильевича послѣдняя цѣль его дѣятельности опредѣлялась, можно сказать, конкретнѣе, нежели для фонъ-Гутшмида; но объемъ ея захватывалъ область даже болѣе широкую, нежели дѣятельность послѣдняго. Онъ чувствовалъ влеченіе къ самымъ разнороднымъ отраслямъ знанія и достигалъ въ нихъ, насколько нужно было ему для его цѣли, совершенства профессіональныхъ спеціалистовъ. Понятны трудности, какія должны встрѣтиться при изображеніи ученаго, для котораго такой научный универсализмъ не былъ лишь желаемымъ идеаломъ, а былъ возможенъ на дѣлѣ.

Предлагаемый очеркъ имѣетъ цѣлію указать лишь самыя общія черты въ образѣ Василія Васильевича, какъ ученаго, именно какъ представителя той науки, которая была его призваніемъ и разработкѣ которой онъ посвятилъ свои силы, объединяя въ себѣ, повидимому, все нужное для того, чтобы быть почти безъ ограниченія идеальнымъ ея представителемъ,— церковной исторіи. Преждевременность въ извѣстномъ смыслѣ этого очерка, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ которой являются слишкомъ общій характеръ и неполнота его, можетъ, нужно думать, найти оправданіе для себя въ необходимости почтить память великаго ученаго хотя бѣглымъ и предварительнымъ изображеніемъ его со стороны его ученой дѣятельности, не дожидаясь того, можетъ быть, неблизкаго момента, когда будетъ возможно сдѣлать это съ большею обстоятельностію.

I.

Для наиболѣе широкаго круга Василій Васильевичъ могъ быть извѣстенъ собственно какъ авторъ статей церковно-историческаго содержанія въ «Христіанскомъ Чтеніи». Въ нихъ именно и вообще нашла главное выраженіе его ученолитературная дѣятельность. Этими статьями, съ присоединеніемъ къ нимъ магистерской диссертаціи объ Оригенѣ и

еще нѣсколькихъ — немногихъ и не обширныхъ по объему трудовъ, напечатанныхъ не на страницахъ «Христіанскаго Чтенія», разныхъ краткихъ, имѣвшихъ иногда довольно случайное происхожденіе, замѣтокъ, и, наконецъ, оффиціальныхъ отчетовъ и отзывовъ въ Журналахъ засѣданій Совѣта Академіи, исчерпывается все, что̀ онъ оставилъ послѣ себя въ печати.

Читатели «Христіанскаго Чтенія» знаютъ, что̀ представляютъ изъ себя статьи Василія Васильевича. Можно, кажется, смѣло не вѣрить тому, кто сталъ бы утверждать, что онъ читалъ ихъ, притомъ съ интересомъ и пониманіемъ, а не перелистывалъ лишь и только бѣгло просматривалъ изъ уваженія къ авторитету писавшаго; исключеніе нужно сдѣлать для спеціалистовъ, которыхъ считать нужно единицами. Въ читателѣ не только средней руки, заурядномъ, но даже и высшаго, по выраженію Василія Васильевича, полета, естественно возникнуть недоумѣнію: для чего нужны столь спеціальныя, неизвѣстно кому доступныя изслѣдованія? Не знавшій Василія Васильевича ближе могъ при этомъ задаться вопросомъ: неужели авторъ не могъ написать что-либо болѣе интересное и способенъ заниматься лишь какими-то деталями?

Но кому, съ другой стороны, приходилось слышать лекціи Василія Васильевича, или хотя бы читать ихъ литографированныя записи, тотъ хорошо долженъ былъ знать, что̀ и какъ именно могъ Василій Васильевичъ говорить и не о деталяхъ. Если же кто, сверхъ того, вступалъ еще въ непосредственныя личныя сношенія съ нимъ по научнымъ вопросамъ, у того легко могло образоваться прямо восторженное отношеніе къ этому ученому, и тотъ могъ бы затрудниться передать точно другому то впечатлѣніе, какое производилъ Василій Васильевичъ при личномъ обращеніи, какъ ученый. Съ наглядностью можно было убѣдиться, что его слишкомъ, повидимому, спеціальная, если судить по его статьямъ, ученость, имѣетъ въ дѣйствительности чрезвычайно широкія подъ собою основанія и онъ съ одинаковою компетентностью можетъ касаться разнообразнѣйшихъ вопросовъ и готовъ давать всевозможныя разъясненія объ интересующихъ собесѣдника предметахъ. — Очевидно, если Василій Васильевичъ могъ писать совершенно иначе и однако писалъ такъ, какъ писалъ, онъ имѣлъ вполнѣ достаточныя для того основанія.

Самъ Василій Васильевичъ въ одномъ письмѣ относящемся къ послѣднимъ годамъ его жизни (1897) и напечатанномъ

послѣ его смерти въ «Тверскихъ епарх. вѣдомостяхъ» (1900, № 11), даетъ объясненіе своеобразнаго характера своей ученолитературной дѣятельности. Посвятивъ себя всецѣло наукѣ, онъ хотѣлъ быть исключительно служителемъ науки, ученымъ изслѣдователемъ въ строжайшемъ смыслѣ этого слова, и совершенно отклонялъ отъ себя задачи популяризатора. Какъ говоритъ онъ въ этомъ письмѣ, уже въ началѣ своего ученаго поприща онъ поставилъ принципомъ для себя—выступать въ печати только съ тѣмъ, что представляетъ нѣчто совершенно *новое въ наукѣ*, или, по крайней мѣрѣ, *поправку къ старому*, и до конца неуклонно держался этого принципа.

„Пока былъ совсѣмъ юнъ, говоритъ онъ, не смѣлъ отказаться отъ порученій «старшихъ»—и написалъ нѣсколько статеекъ въ Христіанскомъ Чтеніи и Церковномъ Вѣстникѣ;— но потомъ „рѣшилъ писать впредь не иначе, какъ по моему собственному усмотрѣнію, т. е. въ каждой статьѣ давать что-нибудь novum, т. е. или новое положеніе (thesis), или новое обоснованіе стараго и для того ааа) или вовсе не писать о томъ, о чемъ писали другіе, ббб) или писать противъ этихъ другихъ, по крайней мѣрѣ, ихъ поправляя и дополняя. На эти рельсы я сталъ въ первой же статьѣ: «Изъ церковной исторіи Египта: Разсказы Діоскора» (въ концѣ 1884 г.); думаю, не сходилъ съ нихъ ни разу во все послѣдующее время, и надѣюсь не сойти съ нихъ до гробовой доски».

Онъ зналъ, какое устрашающее и отталкивающее впечатлѣніе могли производить и производили его этюды на простыхъ читателей. Но ему извѣстно было и дѣйствительное значеніе его изслѣдованій и ихъ оцѣнка компетентными судьями, его «пэрами по положенію и оружію», по его выраженію, «читателями полета самаго высокаго».

Популяризація научныхъ данныхъ, дѣлающая доступными для обычнаго сознанія результаты научной работы, не только, разумѣется, въ общемъ не предосудительна для посвящающихъ ей свои труды и время ученыхъ, но и необходима въ общемъ ходѣ развитія самой науки. Насколько блестящею могла бы быть дѣятельность Василія Васильевича въ этомъ направленіи, ясное доказательство этого представляютъ его лекціи, гдѣ ему приходилось сообщать не одно лишь новое и свое, а и вообще извѣстное въ данный моментъ въ наукѣ, и гдѣ онъ, выступая въ качествѣ лектора, неизбѣжно дол-

женъ былъ заботиться о томъ, чтобы быть понятнымъ для своей аудиторіи

Но по своимъ внутреннимъ убѣжденіямъ, по общему направленію своей ученой дѣятельности, насколько она зависѣла отъ него, а не опредѣлялась внѣшними, иногда случайными обстоятельствами, Василій Васильевичъ является чистѣйшимъ типомъ такого ученаго, который, стоя на послѣднемъ самомъ высокомъ уровнѣ современнаго развитія науки, всѣ свои стремленія обращаетъ къ тому, чтобы еще болѣе повысить этотъ уровень и расширить объемъ познаннаго, не повторяя иными лишь словами того, что̀ добыто и сказано другими. Такимъ именно онъ и выступаетъ всюду въ своихъ столь недоступныхъ для обыкновенныхъ читателей статьяхъ.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, предъ собою въ Василіи Васильевичѣ ученаго изслѣдователя, поставившаго для себя задачею—служить цѣлямъ чистой науки и выполнявшаго эту задачу съ идеальною строгостію, доходившею до ригоризма.

II.

Предметомъ научной разработки была для Василія Васильевича церковная исторія древнихъ временъ, профессоромъ которой онъ былъ въ Академіи. При всей широтѣ и разносторонности его ученыхъ интересовъ, всѣ они въ концѣ концовъ сводятся къ этому предмету, какъ къ центру. Церковнымъ историкомъ онъ былъ не потому лишь, что занималъ каѳедру этого предмета: назвать его церковнымъ историкомъ, значитъ указать такое опредѣленіе въ его характеристикѣ, около котораго группируются и въ подчиненномъ отношеніи къ которому находятся всѣ другія функціи его, какъ ученаго.

Стоитъ лишь посмотрѣть на списокъ трудовъ его, чтобы видѣть, куда всегда было направлено въ концѣ концовъ его вниманіе. Въ этихъ трудахъ, въ примѣчаніяхъ къ нимъ и разнаго рода экскурсахъ, онъ могъ сообщать массу новыхъ данныхъ по различнымъ спеціальностямъ. Но основную тему для всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ по объему изслѣдованій его даютъ вопросы церковно-историческіе.

Одинаковое впечатлѣніе получалось и при личномъ обращеніи съ нимъ. „Достаточно было, по словамъ В. С. Соловьева, два или три раза видѣть Болотова и бесѣдовать съ нимъ, чтобы признать въ немъ человѣка, вполнѣ отдавшагося

одному служенію. Церковно-историческая наука въ широкомъ смыслѣ этого слова—со всѣми смежными областями знанія—внѣ этого для него ничто не имѣло интереса и значенія. Какъ глубоко-религіозный человѣкъ строго-христіанскихъ убѣжденій, онъ находилъ въ церковной исторіи настоящую жизненную среду для всего истинно-важнаго, и только чрезъ эту среду, чрезъ отраженіе отъ нея, или преломленіе въ ней, всѣ прочія дѣла и вопросы представлялись ему стóящими вниманія".

Для этой науки и выработывается изъ него, благодаря и его блестящимъ способностямъ, и общему ходу его образованія, и наконецъ его личнымъ, направленнымъ къ одной цѣли, усиліямъ, при его строгомъ взглядѣ на обязанности ученаго, дѣятель, котораго безъ преувеличенія можно признать идеальнымъ.

Какъ ученый, соединяя въ себѣ въ высшей мѣрѣ подготовку, способности и знанія, обычно признаваемыя въ большей или меньшей степени необходимыми въ томъ, кто посвящаетъ себя занятіямъ въ указанной области, онъ привноситъ въ идеалъ церковно-историческаго изслѣдователя еще совершенно особыя черты—математическимъ складомъ своего ума и своими математическими знаніями. Къ широтѣ и основательности познаній ученаго въ немъ присоединяется граничащая съ художествомъ способность научнаго творчества.

III.

Къ церковному историку по самому существу разработываемаго имъ предмета, предъявляются требованія въ извѣстномъ смыслѣ высшія, нежели какія могутъ быть предъявлены по отношенію къ историку гражданскому. Если для послѣдняго не должно быть чуждо вообще ничто человѣческое—humanum, то для перваго не должно быть чуждо также и божественное—divinum, насколько оно проявилось въ положительномъ откровеніи и усвоено мыслію и жизнію человѣчества за все время историческаго существованія церкви христіанской. Другими словами, церковный историкъ не можетъ излагать исторію церкви, не будучи въ то же время б о г о с л о в о м ъ. Основательное знаніе христіанской догмы для него безусловно обязательно потому, что исторія догмы есть важнѣйшая часть исторіи церкви. Если онъ не будетъ богословомъ, онъ будетъ стоять ниже своего предмета и будетъ блуждать, такъ сказать, по

периферіи церковной жизни, не касаясь ея центра. Напротивъ, чѣмъ выше будетъ его богословская точка зрѣнія, чѣмъ глубже будутъ его познанія въ богословіи, тѣмъ болѣе будетъ онъ имѣть возможности правильно понять внутреннюю сущность жизни церкви. Вотъ главное требованіе отъ историка церкви, степенью удовлетворенія которому прежде всего должна быть измѣряема степень приближенія его къ идеалу.

Василій Васильевичъ первымъ своимъ ученымъ трудомъ, диссертаціей: «Ученіе Оригена о св. Троицѣ» (1879), вводится въ самый центръ христіанскаго богословія и поставляется на самую высокую точку въ области богословской спекуляціи. Ученіе о св. Троицѣ есть центральнѣйшій, основной догматъ христіанства. Спекуляція же Оригена не только представляетъ кульминаціонный пунктъ въ исторіи христіанскаго богословія первыхъ трехъ вѣковъ, но и вообще понятіе Оригена о Божествѣ, сложившееся подъ вліяніемъ неоплатонической философіи, принадлежитъ къ разряду самыхъ высокихъ: Богъ понимается у Оригена не только какъ безусловно простое существо, въ которомъ всѣ опредѣленія взаимно проникаютъ другъ друга, но и какъ существо, превышающее всякія качественныя опредѣленія, хотя въ то же время живое. При несогласіи въ частностяхъ ученія Оригена о Троицѣ съ точнымъ православнымъ ученіемъ, какъ оно позже опредѣлено было на первомъ вселенскомъ соборѣ, выясненіе истиннаго смысла и характера этого ученія, такъ называемаго субординаціонизма Оригена, являлось задачею весьма нелегкою.

Насколько успѣшно разрѣшена эта задача Василіемъ Васильевичемъ, въ подтвержденіе можно указать на то, что проф. И. Е. Троицкій признавалъ за его диссертаціей значеніе докторской. По отзыву философа В. С. Соловьева, въ ней «Болотовъ превосходно объясняетъ и справедливо оцѣниваетъ съ богословской точки зрѣнія отличительныя особенности Оригеновскаго субординаціонизма». На протяженіи всего сочиненія Василій Васильевичъ съ величайшей легкостію вращается въ области самыхъ абстрактныхъ опредѣленій и едва уловимыхъ оттѣнковъ мысли, такъ что не подготовленному спеціально и не заинтересованному ранѣе вопросомъ читателю можетъ показаться труднымъ и утомительнымъ слѣдовать за авторомъ и держаться на тѣхъ высотахъ, по которымъ водитъ его послѣдній, хотя всякому не трудно видѣть, какъ свѣтлый умъ автора всюду вноситъ здѣсь ясность.

Близкое отношеніе спекуляціи Оригена къ неоплатонической философіи заставило Василія Васильевича познакомиться и съ этой философіей, ученіе которой о началахъ бытія и излагается имъ въ его книгѣ. По отношенію къ Оригену, избранный имъ для изслѣдованія пунктъ въ его системѣ естественно приводитъ его къ изученію воззрѣній Оригена въ цѣломъ. А эти воззрѣнія представляютъ собственно первую систему христіанскаго гносиса, первый опытъ объединенія въ цѣльномъ воззрѣніи вѣры и разума, богословія и философіи. Слѣдствіемъ этого изученія должна была явиться широта вообще богословскихъ взглядовъ Василія Васильевича и интересъ къ другимъ подобнымъ спекулятивнымъ построеніямъ. Бывшимъ слушателямъ Василія Васильевича извѣстно, съ какимъ интересомъ и даже воодушевленіемъ излагалъ онъ, напр., на лекціяхъ древнія гностическія системы, съ ихъ не столько религіозно-богословскимъ, сколько поэтически-философскимъ характеромъ, пытаясь опредѣлить дѣйствительный философскій смыслъ ихъ и дать ихъ оцѣнку съ спекулятивной точки зрѣнія.

Догматъ о св. Троицѣ Василій Васильевичъ разсматриваетъ, изслѣдуя ученіе Оригена по этому вопросу, вообще въ его историческихъ судьбахъ въ древней церкви, чтобы опредѣлить отношеніе Оригена къ предшественникамъ и исторію и оцѣнку его ученія въ послѣдующія времена. Въ виду извѣстнаго соприкосновенія съ доктриною Оригена аріанской доктрины, предметомъ внимательнаго изученія онъ тогда уже дѣлаетъ и аріанство.

Другой главный догматъ христіанства послѣ ученія о Троицѣ—ученіе о вочеловѣченіи Сына Божія, раскрывавшееся во время споровъ несторіанскихъ и монофиситскихъ.

Въ спеціальную область христологіи Василій Васильевичъ вступилъ также весьма рано. Исторію несторіанства въ первоисточникахъ онъ изучалъ еще на студенческой скамьѣ, будучи на IV курсѣ (1878—79). Сдѣланное имъ при продолженіи этого изученія въ 1880—81 гг. историко-литературное открытіе, свидѣтельствующее о томъ, насколько внимательнымъ было это изученіе, заставило его на болѣе продолжительное время остановиться на этихъ занятіяхъ. У него все уже было готово для того, чтобы представить въ 1885 или 1886 г. докторское сочиненіе на тему изъ исторіи изученной эпохи, именно о главномъ источникѣ исторіи несторіанства, извѣстномъ подъ названіемъ Synodicon Lupi и его авторѣ Рустикѣ.

Фактъ этотъ общеизвѣстнымъ сдѣлался только уже по смерти Василія Васильевича. Въ его бумагахъ найдены два документа, какъ бы завѣщанія ученаго характера на случай его смерти, имѣвшія цѣлію сохранить для ученаго міра его открытіе. Въ одномъ, относящемся къ началу 90-хъ годовъ, это открытіе кратко аргументируется, въ другомъ, болѣе раннемъ, дается ключъ къ собраннымъ матеріаламъ.

„Если бы——не извѣстныя обстоятельства——, говорится въ первомъ изъ нихъ, то думаю—въ концѣ 1885—началѣ 1886 г. случилось бы слѣдующее: доцентъ Спб. дух. академіи В. Болотовъ предоставилъ бы на соисканіе степени доктора богословія сочиненіе: «Рустикъ, діаконъ римской церкви, и его сочиненія» и вѣроятно защитилъ бы его публично". „Главному тезису, говорится далѣе, авторъ склоненъ придать извѣстное научное значеніе.—Въ Theodoreti opera въ V t. печатается обычно Synodicon Lupi, главный источникъ для исторіи 430—435 г. (дѣло Несторія). Составитель Синодика—анонимъ, неизвѣстный наукѣ авторъ. Мнѣ—думаю—удалось открыть, что этотъ неизвѣстный—не кто иной, какъ племянникъ Вигилія, діаконъ Рустикъ.—Сказать что-нибудь новенькое въ заѣзженной всякими «пособіями» древней церковной исторіи не совсѣмъ легко, и я порѣшилъ—Рустика избрать въ продолжатели своего Оригена".

Намѣреніе свое относительно полученія докторской степени Василій Васильевичъ по тѣмъ или другимъ основаніямъ не счелъ нужнымъ исполнять (она была дана ему, помимо соисканія съ его стороны, въ 1896 г., за другіе труды) и не обнародовалъ при жизни результатовъ своихъ изысканій. По одному случаю, въ концѣ 80-хъ годовъ, какъ сообщаетъ онъ самъ въ документѣ, слова изъ котораго приведены выше, онъ послалъ проф. А. П. Лебедеву латинскую анаграмму:

„Salve, secunde comes, per cunctos saeculi laeti
„Annos, ymni memor Cretici!
„Odi, o Cassi".

Анаграмма составлена изъ фразы: Synodi Cassinensis collectorem esse Rusticum, Romanae ecclesiae diaconum, puto. Вѣроятно, онъ выжидалъ болѣе или менѣе удобнаго времени, чтобы окончательно разработать собранные матеріалы, оставшіеся послѣ него, по его выраженію, лишь въ качествѣ disjecta membra, и сдѣлать извѣстными свои выводы. Исторія

несторіанства получила бы тогда, безъ сомнѣнія, полное и всестороннее освѣщеніе подъ его перомъ.

Догматико-историческія знанія изъ этой области ему пришлось примѣнять на практикѣ въ послѣднее время при воссоединеніи сирохалдейскихъ христіанъ съ православною церковію въ 1898 г. Онъ редактировалъ тогда догматическія формулы для воссоединяющихся и былъ вообще ученымъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ.

Нѣтъ даже нужды упоминать, что на ряду съ несторіанствомъ было изучаемо имъ и монофиситство съ его догматикой. Этому догматическому антиподу несторіанства Василій Васильевичъ и въ лекціяхъ и въ печатныхъ трудахъ долженъ былъ удѣлять даже гораздо болѣе мѣста, нежели несторіанству, при большей его исторической важности вообще въ сравненіи съ несторіанствомъ и въ виду своихъ спеціальныхъ занятій исторіей монофиситскихъ церквей—коптской и эѳіопской. Богословскіе споры, напр., въ эѳіопской церкви, возникшіе на монофиситской почвѣ, главнымъ образомъ споры по вопросу о «помазаніи» Христа, вопросу, который «могъ бы занять, по замѣчанію Василія Васильевича, не одну страницу и въ книгѣ глубокаго догматиста-мыслителя», были предметомъ особаго изслѣдованія съ его стороны.

Вообще, и несторіанство и монофиситство для Василія Васильевича, поскольку научные его интересы приводили его въ непосредственное даже соприкосновеніе съ современными представителями этихъ древнихъ ересей, являлись не просто лишь отжившимъ историческимъ фактомъ прошлаго: ему приходилось имѣть дѣло съ ними и ихъ догматикой, какъ съ живымъ еще до извѣстной степени явленіемъ, именно какъ богослову—представителю православія.

Въ 1898 г. Василій Васильевичъ выступилъ въ печати въ качествѣ восточно-православнаго богослова и по догматическому вопросу, касавшемуся отношеній восточно-православнаго богословія къ богословію неправославнаго католическаго запада. Въ старокатолическомъ журналѣ «Международное богословское обозрѣніе» за этотъ годъ напечатана на нѣмецкомъ языкѣ его статья: «Thesen über das Filioque. Von einem russischen Theologen». Эти «тезисы» были собственно результатомъ занятій автора въ Коммиссіи, учрежденной еще въ 1892 г. для выясненія условій воссоединенія старокатоликовъ съ русскою церковію. Статья замѣчательна какъ по

общей, устанавливаемой въ ней точкѣ зрѣнія, такъ и по ясности изложенія одного изъ труднѣйшихъ богословскихъ вопросовъ, доселѣ составляющаго предметъ споровъ между востокомъ и западомъ. Понятно, что авторъ «Ученія Оригена о св. Троицѣ» могъ быть вполнѣ подготовленнымъ къ нему.

Интересны прежде всего общія разъясненія автора касательно сущности и значенія богословствованія. Отъ догматовъ, обязательныхъ одинаково для всѣхъ истинъ, отличаются здѣсь богословскія мнѣнія, по отношенію къ которымъ возможно разногласіе; догматы необходимы, мнѣнія составляютъ своего рода научную роскошь. Между мнѣніями, далѣе, нужно различать съ одной стороны мнѣнія свв. отцовъ (θεολογούμενα), съ другой — мнѣнія всѣхъ другихъ богослововъ. Въ Россіи, соотвѣтственно общему уровню культурнаго развитія, еще весьма немногіе чувствуютъ потребность на ряду съ догмою имѣть и богословскія мнѣнія. Но если русская богословская наука должна со временемъ выработать свои мнѣнія, она должна при этомъ исходить изъ мнѣній восточныхъ отцовъ.

Примѣнительно къ предмету разсужденія далѣе и предлагается анализъ различныхъ выраженій отцовъ объ отношеніяхъ Св. Духа къ Отцу и Сыну. Выводъ дѣлается тотъ, что почти общимъ теологуменомъ восточныхъ отцовъ, именно александрійской школы, за исключеніемъ антіохійской, является мнѣніе, что Духъ исходитъ *отъ Отца чрезъ Сына* (δι' Υἱοῦ). Это мнѣніе отлично отъ западнаго августиновскаго мнѣнія (которое есть не столько θεολογούμενον, сколько φιλοσοφούμενον) объ исхожденіи Духа *отъ Отца и Сына* (ex, a Patre Filioque) и послѣднее менѣе обосновано. Но поскольку то и другое остаются въ предѣлахъ мнѣнія, различіе между ними не составляетъ непреодолимаго препятствія (impedimentum dirimens) къ возсоединенію. Истинной причиной раздѣленія единаго каѳолическаго христіанства было папство, этотъ, по выраженію автора, «старый наслѣдственный врагъ каѳолической церкви, который однако можетъ быть тогда лишь прекратить свое существованіе, когда упразднится и послѣдній врагъ— смерть».

Всѣмъ сказаннымъ ясно доказывается, что прежде всего Василій Васильевичъ, какъ ученый, представляетъ собою компетентнѣйшаго б о г о с л о в а, для котораго область самыхъ высокихъ вопросовъ богословской спекуляціи, соприкасаю-

щаяся съ областію философіи, была вполнѣ открытою, можно сказать, родною областію. Стоя самъ на высокой богословской точкѣ зрѣнія, онъ могъ, какъ церковный историкъ, понимать и изслѣдовать исторію церковной жизни въ ея самыхъ высокихъ и существенныхъ проявленіяхъ.

IV.

Если церковный историкъ въ отличіе отъ гражданскаго непремѣнно долженъ быть богословомъ и ему не должно быть чуждо «божественное», то для него, въ то же время, нисколько не менѣе, чѣмъ для послѣдняго должно быть доступно и все человѣческое; само божественное, сверхъестественное откровеніе—обнаруживается и доступнымъ дѣлается въ естественныхъ, человѣческихъ формахъ. Доступъ къ произведеніямъ духа человѣческаго, къ проявленіямъ его въ прошломъ, открывается для историка филологическою ученостію въ широкомъ смыслѣ, и она необходима одинаково и для церковнаго и для гражданскаго историка.

При этомъ, чѣмъ дальше отстоитъ отъ историка по времени изучаемая имъ эпоха, тѣмъ въ большей степени онъ долженъ, такъ сказать, быть филологомъ. Историку новыхъ временъ, при большемъ обиліи имѣющихся въ его распоряженіи памятниковъ, остается часто лишь щедрою рукою почерпать, что̀ нужно, изъ нихъ, и по своей близости по времени они являются болѣе понятными для него. Историкъ древности поставленъ въ другія условія относительно своихъ матеріаловъ: ему приходится собирать всякія отрывочныя данныя изъ всякихъ разнородныхъ памятниковъ и для этого сосредоточивать свое вниманіе прежде всего именно на всестороннемъ изученіи этихъ памятниковъ. Будучи, какъ историкъ, спеціалистомъ, онъ долженъ быть еще энциклопедистомъ-филологомъ.

Насколько Василій Васильевичъ, какъ представитель церковной исторіи, и именно древней (какъ и назывался этотъ предметъ въ академическомъ уставѣ прежде), удовлетворялъ указываемому требованію филологической учености, объ этомъ почти излишне распространяться предъ тѣми, кто имѣетъ хотя нѣкоторое представленіе о немъ, какъ ученомъ. Къ компетентности высоко авторитетнаго богослова присоединяется у него слава первокласснаго, удивляющаго своими

познаніями, разностороннѣйшаго лингвиста, стоящаго на твердой научной почвѣ сравнительнаго языкознанія.

Изъ языковъ европейскихъ, кромѣ древнихъ—греческаго и латинскаго—и общеизвѣстныхъ новыхъ—нѣмецкаго, французскаго, англійскаго и итальянскаго, онъ читалъ еще, по собственному его заявленію, на языкахъ: голландскомъ, датско-норвежскомъ и португальскомъ. Объ интересѣ его, какъ лингвиста и историка, къ другимъ европейскимъ языкамъ, частію отжившимъ (готскій, кельтскій), частію живымъ, и большемъ или меньшемъ знакомствѣ съ ними, могутъ свидѣтельствовать его статьи и его библіотека.

Но главную особенность его въ данномъ случаѣ составляло знаніе языковъ восточныхъ, какъ имѣющихъ прямое значеніе для церковной исторіи, такъ и тѣхъ, которые необходимы въ видахъ полноты и основательности лингвистическихъ познаній въ соотвѣтствующихъ областяхъ. Семья языковъ семитскихъ была извѣстна ему во всѣхъ главныхъ развѣтвленіяхъ; кромѣ еврейскаго, онъ зналъ и сирскій, арабскій и эѳіопскій языки, послѣдній притомъ въ двухъ видахъ: не только древній-богослужебный (гыызъ), но и весьма отличающійся отъ него новый разговорный (амхарскій—амарыннья); знакомъ былъ болѣе или менѣе и съ трудною областію ассиро-вавилонской клинописи. Однимъ изъ лучшихъ спеціалистовъ онъ былъ по знанію языка коптскаго, занятія которымъ, въ связи вообще съ исторіей Египта, направляли его и въ область древне-египетскаго языка и іероглифики. Хорошо онъ былъ знакомъ съ армянскимъ языкомъ, отчасти и съ персидскимъ въ его разныхъ видахъ (древняя клинопись, такъ наз. «зендъ» и новоперсидскій); не чуждъ былъ ему и санскритъ.

„Когда состоялось мое назначеніе на каѳедру, говоритъ въ упомянутомъ выше письмѣ (1897 г.) самъ Василій Васильевичъ, я далъ себѣ слово, которое держу нерушимо и по сей часъ. По церковной исторіи пишутъ много до безобразія. Всего написаннаго физически невозможно перечитать. Нѣкоторыя книги и особенно статьи не доступны потому, что очень дороги по цѣнѣ. Но—рѣшилъ я—не будетъ того, чтобы въ извиненіе себѣ я сослался на то, что и важная для науки и мнѣ доступная (по карману) книга написана на языкѣ, мнѣ непонятномъ. По этому принципу, я призналъ обязательными для себя языки первоисточниковъ древней церковной

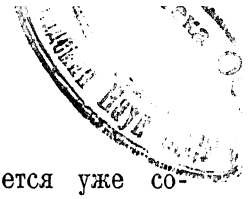
исторіи: греческій, латинскій, сирскій, арабскій, коптскій, эѳіопскій, армянскій". Съ сирскимъ и арабскимъ Василій Васильевичъ былъ знакомъ еще, какъ онъ самъ говоритъ, въ стѣнахъ семинаріи (по Fesslerі Institutiones); прочіе изучилъ послѣ.

Такимъ образомъ, на вопросъ: «сколько языковъ онъ знаетъ», онъ могъ отвѣчать, что «вообще знаетъ тѣ языки, какіе нужны при занятіяхъ древней церковной исторіей».

Языкъ того или другого народа является болѣе или менѣе отображеніемъ психическихъ особенностей народа, носитъ въ себѣ слѣды историческихъ судебъ его и отражаетъ общее состояніе культуры въ каждый данный моментъ. Совершеннымъ знаніе языка можетъ быть только тогда, когда онъ понимается именно какъ орудіе проявленія духовной жизни народа и изучается въ связи съ его исторіей и культурой, когда грамматика и лексиконъ языка являются для изучающаго не мертвымъ собраніемъ обременяющихъ память формъ и вокабулъ, а исполненнымъ внутренняго значенія наглядным свидѣтельствомъ и напоминаніемъ о жившихъ и дѣйствовавшихъ нѣкогда людяхъ, о ихъ интересахъ и одушевлявшихъ ихъ идеяхъ, т. е. когда изученію языка придаются историческій характеръ и цѣли и филологія въ концѣ концовъ служитъ исторіи.

Такимъ именно и было изученіе языковъ Василіемъ Васильевичемъ. Оно получало для него особый интересъ и не было само по себѣ дѣломъ одной лишь феноменальной его памяти потому, что всегда соединялось съ широкимъ знаніемъ историческихъ фактовъ и культурныхъ отношеній и было всегда средствомъ къ проникновенію во внутреннюю жизнь, литературу и исторію народа. Образцомъ для него въ занятіяхъ языками служилъ извѣстный оріенталистъ де-Лагардъ.

Благодаря знанію восточныхъ языковъ Василій Васильевичъ могъ работать въ такихъ областяхъ церковной исторіи, которыя до него въ Россіи почти не подвергались научной разработкѣ и не слишкомъ многихъ привлекаютъ къ себѣ и на западѣ. Свѣдѣнія о его заслугахъ въ этомъ отношеніи, о трудахъ его по церковной исторіи коптовъ, абиссинъ и сирійцевъ—въ трехъ областяхъ востоковѣдѣнія: хамитской, семитской и иранской, можно найти въ некрологѣ его, принадлежащемъ перу оріенталиста Б. А. Тураева.



V.

Замѣчательнымъ въ высокой степени является уже соединеніе спеціально богословскаго образованія съ филологическою ученостію въ той степени глубины перваго и широты и основательности послѣдней, какія видимъ у Василія Васильевича. Способность возвышаться въ область умозрѣнія, богословскаго или философскаго, не всегда уживается съ способностію къ изученію конкретной дѣйствительности, интересы въ одномъ направленіи обычно развиваются на счетъ интересовъ въ другомъ. У Василія Васильевича одно не препятствовало другому.

Но къ указаннымъ чертамъ въ образѣ этого всеобъемлющаго ученаго присоединяется неожиданно еще новая— совершенно особая, показывающая его въ новомъ свѣтѣ

Кромѣ сферы спеціально богословскихъ знаній, кромѣ науки филологической, имѣющей предметомъ проявленія духа человѣческаго, есть еще особая область знаній—о внѣшней природѣ. Главнымъ орудіемъ изслѣдованія въ этой области служитъ, на ряду съ опытомъ, математика, и характернымъ отличіемъ получаемыхъ здѣсь выводовъ является точность, хотя и въ этой области de facto пока далеко не все еще подлежитъ математической разработкѣ. Богословы заглядываютъ иногда въ эту область, главнымъ образомъ, побуждаемые апологетическими цѣлями. Представителямъ историко-филологическаго знанія также приходится по временамъ обращаться за помощью къ реально-математическимъ наукамъ. Но обычно для тѣхъ и другихъ это собственно—чужая область, рѣзко отграниченная отъ избранной ими спеціальности.

Для универсальнаго ума Василія Васильевича, напротивъ, и это—не только вполнѣ открытая область, но область, къ которой онъ чувствуетъ даже особое влеченіе, именно—поскольку орудіемъ ея является математика и поскольку въ ней возможны точныя знанія. Глубокій богословъ, разносторонній филологъ, онъ въ то же время, къ удивленію, оказывается и какъ бы прирожденнымъ математикомъ по своимъ способностямъ и стремленіямъ.

Для историка необходимою вспомогательною наукою признается хронологія; хронологическія же изысканія неизбѣжно требуютъ знакомства съ астрономическими основаніями времясчисленія и съ разными математическими пріемами. Но нужна

и способность и особая склонность, чтобы историкъ рѣшился самостоятельно оперировать въ этой области. «Хронологія въ сущности, по словамъ самого Василія Васильевича, есть наука и искусство до такой степени трудныя, что въ этой области и охотниковъ мало, и компетентныхъ лицъ не болѣе». Профессора исторіи и на западѣ предпочитаютъ иногда въ нужныхъ случаяхъ обращаться за помощью къ своимъ коллегамъ астрономамъ, не всегда, разумѣется, достигая чрезъ это своихъ цѣлей.

Извѣстно между тѣмъ, какимъ блестящимъ спеціалистомъ въ области хронологіи былъ Василій Васильевичъ. Въ качествѣ общепризнаннаго авторитета съ самой высокой компетенціей въ этомъ отношеніи онъ выступилъ въ послѣднее время своей жизни, какъ участникъ Коммиссіи по вопросу о реформѣ календаря (1899—1900), когда онъ поразилъ своей феноменальной ученостію прочихъ членовъ Коммиссіи и явился главнымъ дѣятелемъ въ разработкѣ вопроса.

Но для Василія Васильевича его занятія хронологіей вызывались не просто лишь одною необходимостію хронологіи для исторіи, но были однимъ изъ проявленій математическаго склада его ума. Это ясно доказывается другими фактами.

Въ качествѣ вспомогательной для себя науки исторія имѣетъ еще географію, поскольку историческія событія, которыми она занимается, всегда пріурочиваются не только къ извѣстному моменту во времени, но и къ извѣстному пункту въ пространствѣ. Обычно къ даннымъ географіи историки обращаются лишь съ историко-филологической точкой зрѣнія и интересомъ; другое отношеніе въ этомъ случаѣ даже почти и не предполагается.

Василій Васильевичъ—въ этомъ его характерная особенность—и къ этимъ даннымъ приступаетъ съ математической точкой зрѣнія. Подобно тому, какъ въ основу хронологіи полагается математическая астрономія, онъ и въ основу своихъ операцій надъ географическими данными, съ какими ему приходится встрѣчаться въ исторіи, полагаетъ высшую геодезію, вводитъ и сюда математическіе пріемы. Въ историческихъ сочиненіяхъ при упоминаніи о тѣхъ или другихъ событіяхъ обычно отмѣчаются въ нужныхъ случаяхъ хронологическія даты ихъ: годъ, мѣсяцъ, число. Василій Васильевичъ находилъ нужнымъ въ своихъ изслѣдованіяхъ при упоминаніи и о тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ, точно

отмѣчать ихъ географическія даты: широту и долготу въ соотвѣтствующихъ обозначеніяхъ. Это вовсе не было съ его стороны проявленіемъ безполезнаго ученаго педантизма; онъ былъ, напротивъ, рѣшительнѣйшимъ врагомъ всего, излишняго и ненужнаго въ ученыхъ сочиненіяхъ, что̀ не даетъ ничего новаго для науки. Для него подобныя математически-точныя опредѣленія являлись прямо необходимыми потому, что въ его рукахъ они оказывались самымъ твердымъ основаніемъ для историческихъ выводовъ. Въ изслѣдованіяхъ его, особенно послѣдняго времени (въ статьяхъ о церкви сиро-персидской) весьма не рѣдко можно встрѣчаться съ заключеніями, основанными на опредѣленіи географическихъ координатъ, широты и долготы различныхъ мѣстностей, и на сложныхъ вычисленіяхъ такъ называемыхъ азимутовъ и воздушныхъ дугъ. Подобные пріемы представляютъ, повидимому, нѣчто новое въ исторической наукѣ, обѣщая въ извѣстныхъ случаяхъ математическую точность результатовъ.

Но математическія наклонности Василія Васильевича находили выраженіе и не въ одномъ лишь указанномъ отношеніи его къ хронологіи и географіи, въ стремленіи къ математически точному измѣренію времени и пространства и опредѣленію положенія вещей въ нихъ. Его интересы привлекало къ себѣ все, что только можетъ быть математически точно измѣрено и опредѣлено, или лучше сказать—всякаго рода пріемы точнаго измѣренія, къ чему бы они ни относились. Метрологія вообще, и въ ея исторіи и въ ея современномъ состояніи, была областію, куда всегда устремлено было его вниманіе и откуда онъ всегда готовъ былъ представить всѣ нужныя справки. Его самымъ живымъ образомъ интересовали, напр., научныя работы «Главной Палаты мѣръ и вѣсовъ», открывшіяся съ 1894 г. подъ руководствомъ и при непосредственномъ участіи извѣстнаго ученаго проф. Д. И. Менделѣева, управляющаго «Палаты». Съ интересомъ относился онъ, какъ метрологъ, и къ дебатировавшемуся оживленно въ послѣднее время вопросу о монетномъ обращеніи въ Россіи.

Въ концѣ концовъ Василій Васильевичъ, какъ прирожденный математикъ, естественно шелъ въ своихъ интересахъ, насколько позволяли ему его спеціальныя занятія, и выше вопросовъ прикладной въ томъ или иномъ смыслѣ математики, интересовался проблемами и чистой математики. Въ его

библіотекѣ можно встрѣтить не только разнаго рода книги и пособія (таблицы) по хронологіи и астрономіи, не только — не совсѣмъ обычныя для историка — руководства по сферической тригонометріи и по геодезіи (въ родѣ руководства Витковскаго, книги Граве «Объ основныхъ задачахъ математической теоріи построенія географическихъ картъ»), не только сочиненія по метрологіи,—но и трактатъ, напр., Вейерштрасса о «трансцендентности Лудольфова числа», «Философію математики» Фрейсинэ, разные трактаты Буняковскаго и Чебышева. Чтобы составить наглядное представленіе о любви, такъ сказать, Василія Васильевича къ цифрамъ, нужно непосредственно видѣть въ оставшихся послѣ него бумагахъ цѣлые десятки страницъ, исписанныхъ столбцами двадцатизначныхъ, иногда чуть не тридцатизначныхъ чиселъ.

И эти математическія наклонности и знанія Василія Васильевича не стояли въ немъ разобщенно отъ другихъ областей знанія и другихъ функцій его, какъ ученаго; математикъ существовалъ въ немъ неотдѣлимо отъ богослова и филолога. Съ свойственной ему лишь быстротой и подвижностью мысли онъ переносился изъ одной области въ другую, заимствуя отовсюду, часто самымъ неожиданнымъ для читателя образомъ, данныя для уясненія и обоснованія своихъ положеній. Въ его богословскихъ разсужденіяхъ не рѣдкость встрѣтить чрезвычайно характерныя сравненія и примѣры изъ области математики. Въ упомянутыхъ выше «тезисахъ о Filioque», напр., устанавливая различіе между догмою и богословскимъ мнѣніемъ, онъ поясняетъ его сравненіемъ первой — догмы — съ точно вычисленнымъ значеніемъ въ математикѣ извѣстныхъ величинъ, вполнѣ достаточнымъ для практическихъ цѣлей, послѣднихъ — богословскихъ мнѣній — съ выраженіемъ тѣхъ же величинъ въ формулахъ, долженствующихъ удовлетворять уже болѣе или менѣе потребности эстетическаго созерцанія. Въ качествѣ примѣровъ указываются цифровое значеніе числа π — съ одной стороны, и формулы, найденныя для выраженія этого числа Валлисомъ, Лейбницемъ и Мэчиномъ — съ другой; также — дѣйствительное, точно опредѣленное разстояніе планетъ отъ солнца — и такъ назыв. ряды Тиція и Вурма. Или тамъ же, напр., операціи логическаго, подчиненнаго законамъ пространства и времени, мышленія въ богословіи по отношенію къ сверхпространственному и сверхвременному Абсолютному

и сопровождающее ихъ признаніе ихъ относительности и несоотвѣтствія предмету, сравниваются весьма своеобразно съ операціями математика при логариѳмическомъ исчисленіи надъ положительною мантиссою нецѣлаго числа, къ которой потомъ уже приписывается, какъ коррективъ, отрицательная характеристика. Иногда для разъясненія того или другого положенія вводятся формулы, или въ видѣ формулъ выражаются выводы изслѣдованія.

Помимо прямого приложенія, каксе могли находить пріемы математическаго исчисленія въ извѣстныхъ случаяхъ, въ хронологіи, географіи, метрологіи, математическая настроенность ума Василія Васильевича естественно должна была отражаться вообще стремленіемъ къ математической ясности и точности и по отношенію къ другимъ областямъ знанія. Математическій умъ его, дѣйствительно, не терпѣлъ ничего намѣренно неяснаго и неточнаго и въ богословіи.

VI.

Глубокое богословское образованіе, широкая филологическая ученость, близкое знакомство съ методами точнаго изслѣдованія даже въ области наукъ о природѣ и стремленіе внести ту же точность и въ другія области, повидимому, вполнѣ уже обусловливаютъ возможность всесторонняго историческаго изслѣдованія и глубокаго и вѣрнаго пониманія прошедшей жизни церкви. Мы видимъ ученаго, компетентнаго во всѣхъ доступныхъ уму человѣческому областяхъ знанія и отовсюду могущаго брать нужное для своихъ спеціальныхъ цѣлей. И однако, характеристика Василія Васильевича со стороны ученой дѣятельности его именно какъ историка, всѣми отмѣченными чертами еще не исчерпывается.

Сохранилось въ бумагахъ Василія Васильевича сокращенно написанное имъ начало первой лекціи, читанной въ 1898 г. и болѣе или менѣе подробно воспроизведенной въ записяхъ его слушателей, съ весьма характерными для него положеніями. „Наука въ ея величайшемъ напряженіи, говорится здѣсь, способна давать иногда результаты, на первый взглядъ очень странные. Для поясненія беру примѣръ изъ области наукъ физико - математическихъ“. Въ 1895 г. два профессора, англійскій Ченей и русскій Менделѣевъ, производили сличеніе двухъ мѣръ: русской полусажени и англійскаго ярда. „Для ума простого работа эта покажется несложной и не-

важной; однако знаменитые ученые работали цѣлыхъ 3 дня, и неудивительно: они произвели 22 серіи сличеній, или 880 микрометрическихъ наблюденій и 132 отчета термометровъ. Подобная работа требовала огромнаго труда".

„Но я хочу обратить вниманіе не на процессъ труда, а на финалъ его. Въ заключеніе труда составленъ былъ протоколъ, послѣднія слова котораго гласили слѣдующее: «Такъ какъ вопросъ о тождественности нормальной температуры 62° F и 16°667 C по стоградусной шкалѣ водороднаго термометра въ настоящее время не можетъ быть разсматриваемъ какъ окончательно рѣшенный, то въ этомъ отношеніи предстоящій отчетъ мы считаемъ предварительнымъ (provisional)». Съ точки зрѣнія элементарной физики подобный вопросъ о тождествѣ указанныхъ температуръ является несомнѣннымъ, но съ точки зрѣнія первоклассныхъ ученыхъ мы видимъ здѣсь нѣчто недоказуемое".

„Такимъ образомъ на высшей степени науки результатъ научныхъ работъ первоклассныхъ ученыхъ является въ формѣ высоконаучнаго «мы не знаемъ», которое вѣситъ несравненно цѣннѣе заурядно научнаго «мы знаемъ», «какъ всѣмъ хорошо извѣстно». На подобныя ignoramus наука можетъ смотрѣть какъ на свою гордость, свое украшеніе. Они показываютъ, до какой степени высоки тѣ требованія, которыя предъявляетъ себѣ самой подобная наука, не терпящая ничего не доказаннаго".

„Но можетъ ли, спрашивается далѣе, предъявить себѣ столь же высокія требованія, наложить на себя столь же полное отреченіе отъ всего недоказаннаго исторія, все равно церковная или гражданская? Вы понимаете, что отвѣтъ можетъ быть только отрицательный. А слѣдовательно исторія не есть наука, и если называется наукою, то — если можно такъ выразиться — honoris causa, или выражаясь словами приведеннаго выше отчета, — только провизорнымъ образомъ".

Не признавая, такимъ образомъ, что исторія есть наука въ строгомъ смыслѣ, Василій Васильевичъ рѣшительно склоняется къ тому мнѣнію, что она есть собственно искусство. Это послѣднее мнѣніе, когда оно высказывается, указываетъ не на то, что исторія должна быть искусствомъ въ смыслѣ удовлетворенія историкомъ требованіямъ художественности при литературномъ изложеніи имъ результатовъ своихъ изслѣдованій. Искусствомъ дѣятельность историка является уже въ

его болѣе первоначальныхъ и существенныхъ функціяхъ, когда ему приходится то воспроизводить изъ крайне недостаточныхъ иногда данныхъ нѣчто связное и цѣлое, то, напротивъ (въ новѣйшей исторіи), изъ обильнаго матеріала выбирать наиболѣе важное и рельефное, чтобы изображаемая имъ картина прошлой жизни получилась живая и вѣрная. Для Василія Васильевича склоненіе къ этому мнѣнію особенно характерно именно потому, что исходитъ у него изъ ясно сознаваемаго и предъявляемаго имъ и къ исторіи требованія точности математическихъ наукъ.

Можетъ быть, подобное требованіе слишкомъ уже высоко, лишая права на названіе науки далеко не одну только исторію. Но во всякомъ случаѣ, и то гораздо меньшее, что̀ дѣйствительно достижимо въ исторіи, именно точное, живое и наглядное изображеніе прошлой дѣйствительности, достигается, когда историкъ съ знаніями и научными методами ученаго соединяетъ еще въ большей или меньшей степени творческое въ извѣстномъ смыслѣ искусство художника.

Насколько Василій Васильевичъ, изображенный выше какъ ученый, удовлетворяетъ и этому послѣднему, несомнѣнно самому трудному и менѣе всего зависящему отъ воли историка требованію, яснымъ доказательствомъ этого служатъ его лекціи. Указывая для церковной исторіи въ древнемъ періодѣ скромную, по его выраженію, въ зависимости отъ состоянія источниковъ, задачу — «установить связь между ближайшими событіями, не задаваясь цѣлію изъ звеньевъ этихъ событій возстановить стройное зданіе», онъ могъ давать, стоя всегда на строго научной почвѣ, яркія и наглядныя до художественности картины древней церковной жизни. Способность возвышаться въ сферы абстракціи вовсе не устраняла въ немъ живости и подвижности воображенія, равно какъ нисколько не подавляла его необозримая масса фактическихъ знаній, онъ чувствовалъ себя въ ней полнымъ хозяиномъ и легко могъ находить всѣ нужныя черты для конкретнаго изображенія описываемаго предмета.

Извѣстно, что Василій Васильевичъ, будучи столь строгимъ въ своихъ требованіяхъ по отношенію къ исторіи, не неблагосклонно относился однако къ историческимъ романамъ, если только за нихъ берутся знающіе люди. „Этотъ родъ литературныхъ произведеній могъ бы служить, по его словамъ, хорошимъ экзаменомъ для основательныхъ ученыхъ. Требуется

знаніе бездны такихъ бытовыхъ подробностей, которыя въ другихъ историческихъ изслѣдованіяхъ не находятъ примѣненія. Вотъ почему изъ современныхъ ученыхъ Моммсенъ легко могъ бы написать романъ изъ римской исторіи, тогда какъ большинство ученыхъ должно было бы пасовать въ данномъ случаѣ". Можно, кажется, думать, что съ блестящимъ успѣхомъ это сдѣлалъ бы въ подлежащей области и Василій Васильевичъ, если бы только крайняя строгость научныхъ требованій по отношенію къ себѣ позволила ему ввести въ свое изложеніе вымыселъ въ той мѣрѣ, въ какой это нужно для романа.

Самый внѣшній способъ изложенія у Василія Васильевича, языкъ и стиль его, отличается неподражаемою выразительностію и мѣткостію, говоритъ ли онъ о высокихъ предметахъ богословія, или о незначительныхъ подробностяхъ быта и обыденныхъ событіяхъ. Онъ былъ и художникомъ слова.

Въ печатныхъ статьяхъ его, имѣющихъ назначеніе сообщать только новое, требующее поэтому всегда научнаго обоснованія и обширнаго ученаго аппарата, для цѣлостнаго изложенія событій, понятно, не могло быть много мѣста, хотя и въ нихъ можно встрѣчать по временамъ связные очерки, которые должны какъ бы вознаграждать читателя, по выраженію автора, за сухость и утомительныя подробности изслѣдованія, приводящаго къ новымъ результатамъ.

Но рука художника, а не простого ремесленника науки, естественно, должна сказываться и въ обработкѣ этихъ сухихъ и утомительныхъ подробностей, представляющихъ собственно лишь тотъ матеріалъ, изъ котораго можетъ быть возводимо болѣе или менѣе цѣльное и стройное зданіе исторіи. Въ математикѣ говорятъ объ изящныхъ формулахъ, объ изящныхъ способахъ доказательства, открываемыхъ и примѣняемыхъ на ряду съ другими формулами и способами, столь же точными по существу и по конечнымъ результатамъ, и однако менѣе совершенными по формѣ и менѣе удобными для примѣненія. Подобный изящный, такъ сказать, творчески-художественный способъ разработки предметовъ, съ художествомъ въ собственномъ смыслѣ ничего общаго, повидимому, не имѣющихъ, возможенъ не въ одной лишь математикѣ, но и въ другихъ областяхъ знанія. Примѣръ этого въ своей области и представляетъ Василій Васильевичъ. Методы изслѣдованія его въ примѣненіи къ разнымъ вопросамъ являются

образцовыми, такъ что его работы представляютъ интересъ уже съ одной этой формальной стороны, помимо того или другого положительнаго ихъ содержанія.

Таковъ въ общихъ чертахъ образъ ученаго, который, стоя на границахъ между познаннымъ и неизвѣстнымъ еще для науки, поставилъ задачею своей дѣятельности—не повторять извѣстнаго, а стремиться всегда къ открытію неизвѣстнаго, и былъ неизмѣнно вѣренъ этому принципу,—которому доступны были глубины богословской спекуляціи и высоты метафизической абстракціи,—который могъ читать тексты на языкахъ, чуждыхъ большинству и европейскихъ его собратій по его спеціальности,—который не боялся, гдѣ приходилось встрѣчаться, и математическихъ формулъ и цифръ и даже математическую точность въ собственномъ смыслѣ ставилъ идеаломъ для своей науки, — который, наконецъ, обладая всѣми научными средствами для своихъ цѣлей, какъ историкъ, былъ надѣленъ еще въ высокой степени и даромъ художественнаго въ своемъ родѣ творчества въ области своей науки.

Какъ при жизни его, чѣмъ ближе представлялась возможность знать его, тѣмъ болѣе онъ изумлялъ своими дарованіями и познаніями, такъ и теперь, чѣмъ ближе и внимательнѣе мы всматриваемся въ духовный образъ этого удивительнаго ученаго, тѣмъ сильнѣе возрастаетъ возбуждаемое имъ удивленіе, и тѣмъ яснѣе и тверже дѣлается убѣжденіе, что за нимъ не напрасно и не преувеличено установилась слава почти геніальной учености, что онъ соединялъ въ себѣ все, что только можно признать необходимымъ для того, чтобы довести до идеальнаго почти совершенства разработку предмета его спеціальности.

VII.

Значеніе всякаго дѣятеля выясняется чрезъ сопоставленіе его съ другими дѣятелями въ той же области. Представляется однако довольно затруднительнымъ произвести точное сравненіе Василія Васильевича, какъ ученаго, съ другими учеными, не только въ ряду русскихъ, но и европейскихъ: настолько своеобразное явленіе онъ представляетъ и настолько много въ немъ, какъ ученомъ, такого, чего не встрѣчаемъ въ другихъ, работающихъ въ той же научной области или смежныхъ съ нею.

Русская наука, въ частности богословская, является еще слишкомъ молодою, чтобы въ ея прошломъ можно было найти многихъ выдающихся дѣятелей. Въ данномъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о В. В. Болотовѣ, наиболѣе, кажется, могутъ привлекать вниманіе два своего рода корифея въ средѣ представителей богословской учености прежняго времени: протоіерей Г. П. Павскій (1787—1863), профессоръ Петербургской академіи, и протоіерей А. В. Горскій, профессоръ, потомъ ректоръ Московской академіи (1812—1875). Первый, профессоръ еврейскаго языка и вообще филологъ, обращаетъ на себя вниманіе именно лишь этою филологическою стороною своей дѣятельности. Второй, профессоръ (сначала) церковной исторіи и историкъ по призванію, помимо величайшаго нравственнаго вліянія, какое онъ производилъ на окружающихъ своею личностію,—какъ ученый, былъ собственно первымъ русскимъ представителемъ науки—общей церковной исторіи.

Несправедливо было бы и несогласно съ долгомъ историка хотя сколько-нибудь уменьшать дѣйствительное значеніе этихъ дѣятелей въ исторіи русской науки. Можно признать, что если бы они родились на западѣ, жили и дѣйствовали въ другой обстановкѣ и при другихъ условіяхъ, они, какъ ученые, могли бы занять мѣсто на ряду съ первоклассными европейскими учеными. Однако, ихъ едва ли, кажется, можно и слѣдуетъ сравнивать, какъ ученыхъ, съ корифеями западной учености безотносительно къ непосредственно окружавшей ихъ средѣ, къ тому уровню спеціально русской науки, который они стремились повысить, повторяя иногда и примѣняя въ новой сферѣ уже извѣстное на западѣ.

Василій Васильевичъ, какъ было сказано, поставилъ задачею для себя—достигнувъ высшаго уровня общеевропейской науки, повышать именно этотъ уровень. Онъ хотѣлъ говорить всегда quâ par est reuerentia, по его выраженію, съ высшими авторитетами европейской учености и выступать всегда только съ безусловно новыми въ наукѣ результатами. Онъ становился такимъ образомъ прямо въ ряды европейскихъ ученыхъ высшаго ранга.

Но и сравненіе его съ учеными запада также представляетъ затрудненія. Наиболѣе уважаемыми Василіемъ Васильевичемъ авторитетами въ западной наукѣ были Павелъ де-Лагардъ (1827—1891) и Альфредъ фонъ-Гутшмидъ (1831—1887). Де-Лагардъ—профессоръ восточныхъ языковъ въ Гёт-

тингенскомъ университетѣ, одинъ изъ величайшихъ полигисторовъ XIX вѣка, лингвистъ, который, еще будучи юношей, стыдился, по его словамъ, читать что-либо въ переводѣ. а не на подлинномъ языкѣ, и который издавалъ потомъ тексты на четырнадцати языкахъ. Гутшмидъ—профессоръ древней гражданской исторіи въ Тюбингенѣ (съ 1877), разносторонній ученый, приступавшій въ юности къ наукѣ съ наивнымъ, характернымъ убѣжденіемъ. что нѣтъ въ сущности вопросовъ, не разрѣшимыхъ для вооруженнаго надлежащимъ образомъ изслѣдователя, спеціалистъ особенно въ вопросахъ хронологіи, оріенталистъ для своихъ цѣлей настолько, чтобы никогда не подвергаться упрекамъ въ недостаточномъ пониманіи нужныхъ ему языковъ.

Но оба эти ученые—не церковные историки и лишь по временамъ дѣлаютъ экскурсы въ область церковно-историческаго изслѣдованія. Такіе экскурсы составляютъ лишь одну изъ сторонъ иначе направленной общей ихъ дѣятельности. Гутшмидъ при этомъ не былъ вовсе богословомъ. Де-Лагардъ признавалъ себя богословомъ, оказалъ неоцѣнимыя услуги богословію работами по критикѣ текста Св. Писанія, имѣлъ въ частности весьма широкіе планы и относительно древней церковной исторіи,—но и его дѣятельность посвящена была главнымъ образомъ не этому предмету.

Для Василія Васильевича между тѣмъ, въ отличіе отъ этихъ ученыхъ, съ которыми онъ близко соприкасается съ извѣстныхъ сторонъ и по знаніямъ и по методамъ, церковная исторія была центромъ, объединявшимъ и регулировавшимъ всѣ прочія стороны его ученой дѣятельности.

Если мы обратимся къ представителямъ именно церковно-исторической науки на западѣ, мы найдемъ рядъ именъ, пользующихся общею извѣстностію. Таковы въ Германіи имена Неандера, Баура, Гарнака, основателей цѣлыхъ школъ въ области церковной исторіографіи,—также Гизелера и Газе. Франція можетъ выставить аббата Дюшена; въ Англіи можно указать имена, напр., Гэтча и Ляйтфута. Къ именамъ корифеевъ можно бы присоединить длинный списокъ другихъ менѣе извѣстныхъ, но въ томъ или другомъ отношеніи выдающихся, первоклассныхъ дѣятелей.

При всѣхъ достоинствахъ и заслугахъ западно-европейскихъ изслѣдователей въ области церковной исторіи, при высокомъ значеніи ихъ трудовъ и необходимости обращаться къ нимъ для всѣхъ работающихъ на томъ же поприщѣ, было бы

однако интересно, если бы кто-либо указалъ въ средѣ этихъ ученыхъ примѣръ столь же широкой и разносторонней подготовки для цѣлей церковно-историческаго изслѣдованія, какой представляетъ собою Василій Васильевичъ,—такое же сочетаніе спеціально богословскаго образованія съ знаніями и наклонностями филолога-лингвиста и математика, всецѣло обращенными на служеніе призванію церковнаго историка, и отсюда такую же компетентность въ рѣшеніи самыхъ разнородныхъ вопросовъ въ своей области.

Стремленіе къ энциклопедизму можно, конечно, встрѣтить и у второстепенныхъ ученыхъ, но не идущее обычно далѣе дилеттантскихъ занятій [1]). Не рѣдки примѣры пріобрѣтенія и строго-научнаго примѣненія въ церковно-историческихъ изслѣдованіяхъ и спеціальныхъ въ той или другой области знаній. Но въ такихъ случаяхъ обычнымъ явленіемъ бываетъ то, что сначала почти все вниманіе сосредоточивается на овладѣніи орудіемъ (напр. восточными языками), а потомъ слагается умѣнье работать при помощи его въ извѣстномъ лишь направленіи.

Энциклопедизмъ Василія Васильевича не имѣлъ характера

---

[1]) Проф. А. П. Лебедевъ въ своей „Церковной исторіографіи“, (М. 1898, стр. 517), упоминая о В. В. Болотовѣ, указываетъ на сходство его по „наклонностямъ лингвиста“ съ эрлянгенскимъ проф. церковной исторіи Энгельгардтомъ (1791—1855), знавшимъ до 16 языковъ и отличавшимся вообще стремленіемъ къ энциклопедическому образованію (знакомство съ словесностью, поэзіей. искусствомъ,—ср. стр. 436). Но хотя имя Энгельгардта, какъ ученаго, и стоитъ вообще высоко, къ разряду первыхъ величинъ въ исторіи науки онъ не принадлежитъ. Вовсе не видно изъ его курса церковной исторіи (1832—1834) и другихъ сочиненій, чтобы онъ былъ оріенталистомъ и вообще широко пользовался въ цѣляхъ исторіи своими лингвистическими знаніями. О стремленіи его къ универсальному образованію замѣчается авторомъ біографическаго очерка о немъ (въ Real-Encyclopädie für protest. Theologie und Kirche, IV² 228—230=V³ 372—374), Герцогомъ, характеристику котораго воспроизводитъ и А. П. Лебедевъ (436), только, что оно «не причиняло ущерба основательности его историческихъ изысканій»; тутъ же указывается, между прочимъ, и на отсутствіе въ немъ «дара живой и проницательной обработки ученаго матеріала, проникновенія его мыслію» (что отчасти стояло въ связи съ слишкомъ далеко проведеннымъ стремленіемъ—быть объективнымъ). Скорѣе, можетъ быть, можно бы было сопоставлять Василія Васильевича по лингвистическимъ знаніямъ, помимо учителя его Павла де-Лагарда, оріенталиста по профессіи, богослова по стремленіямъ, съ англійскимъ богословомъ Ляйтфутомъ.

простого лишь дилеттантизма. Филологическія и математическія знанія для него являлись средствомъ для главной, поставленной имъ, цѣли. Разъ признавъ ихъ необходимость въ этомъ смыслѣ, онъ затѣмъ до конца своей, всецѣло преданной наукѣ, жизни сознательно и неуклонно стремится къ ихъ пріобрѣтенію и расширенію. Но въ то же время трудъ, употребляемый имъ на это, не заставляетъ его забывать о главной цѣли и не отвлекаетъ отъ нея, богословъ и церковный историкъ въ его личности не исчезаютъ въ филологѣ и математикѣ, не смотря на весь интересъ его къ спеціальностямъ небогословскаго характера.

Нужно, во всякомъ случаѣ, обратить вниманіе на то, какое тяжелое вооруженіе представляли энциклопедическія знанія Василія Васильевича и какого времени и труда должно было потребовать и для него пріобрѣтеніе ихъ, непосильное для заурядnаго ученаго. Двадцать лѣтъ на самомъ дѣлѣ вовсе небольшой періодъ для того, чтобы въ теченіе его имѣть возможность выступить въ такомъ научномъ всеоружіи, въ какомъ является Василій Васильевичъ, именно если не упускать изъ виду, что общая среда и условія, окружающія ученаго въ Россіи далеко не могутъ быть признаны благопріятными въ сравненіи съ западомъ.

„Въ другихъ странахъ, говоритъ В. С. Соловьевъ по этому поводу въ некрологѣ Василія Васильевича, богословская и церковно-историческая наука представляетъ могучее собирательное цѣлое, гдѣ всякая умственная сила находитъ и всестороннюю опору и всесторонніе рамки для своей дѣятельности, и свободно развивая свои личныя возможности, вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно прилагаетъ ихъ къ общему дѣлу; тамъ есть, изъ преданій прошлаго и современной систематической работы слагающаяся, живая и правильно растущая наука, и отдѣльные ученые въ мѣру своихъ силъ входятъ въ эту общую работу, участвуютъ въ этомъ ростѣ цѣлаго. У насъ и въ другихъ наукахъ, особенно же въ наукѣ богословско-церковной, этотъ ростъ цѣлаго отсутствуетъ“...

И если, какъ говорится въ томъ же некрологѣ, „около двадцати лѣтъ атлетъ науки какъ будто пробовалъ свои богатырскія силы на разныхъ частичныхъ вопросахъ, такъ и не успѣвши остановиться на обширной задачѣ, достойной его

высокаго дарованія“, то двадцать лѣтъ далеко не являются на дѣлѣ большимъ періодомъ и въ дѣятельности западныхъ ученыхъ, поставленныхъ въ болѣе благопріятныя условія, именно тѣхъ изъ нихъ, которые достигли славы первоклассныхъ ученыхъ. Можно сослаться хотя бы на упомянутыхъ выше: ихъ жизнь и ученая дѣятельность были вообще на десятки лѣтъ продолжительнѣе жизни и дѣятельности Василія Васильевича. Не должно упускать изъ виду и того, какъ много приходилось этому ученому, созданному для чисто научной самостоятельной работы, посвящать времени по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ на занятія, отвлекавшія его отъ этой работы, сколь бы ни были они плодотворны сами по себѣ въ другихъ отношеніяхъ.

Трудно представить, что̀ далъ бы для науки Василій Васильевичъ, если бы онъ жилъ еще 20 лѣтъ, или хотя бы только 10,—если бы онъ съ свѣточемъ своего знанія и своимъ всесовершеннымъ методомъ, предоставленный собственной иниціативѣ въ своей дѣятельности и свободный отъ другихъ занятій, отъ начала до конца прошелъ и изслѣдовалъ всю область древней церковной исторіи, имѣя цѣлію при этомъ открывать и сообщать только новое и неизвѣстное.

Но когда духовныя силы его и знанія достигли наивысшаго расцвѣта и нужно лишь было ожидать самыхъ обильныхъ плодовъ его феноменальной учености и неутомимой дѣятельности, смерть похитила его, вызвавъ невыразимо горькое чувство во всѣхъ, близко знавшихъ его.

Теперь предъ нами—лишь его свѣтлый образъ, отразившійся и въ оставшихся послѣ него произведеніяхъ, — образъ, который не только навсегда долженъ сохраниться въ исторіи прошедшаго науки, но долженъ указывать на тотъ идеалъ, къ которому она обязана стремиться въ будущемъ.

Этотъ идеалъ, завѣщанный Василіемъ Васильевичемъ въ его научной дѣятельности, имѣетъ, можно утверждать, значеніе болѣе общее и широкое, нежели по отношенію къ одной лишь спеціальной отрасли знанія и для занимающихся ея разработкою.

По своимъ знаніямъ и научнымъ стремленіямъ Василій Васильевичъ объединялъ въ себѣ, — если можно такъ выразиться примѣнительно къ распредѣленію въ Россіи спе-

ціальныхъ задачъ высшаго духовнаго и свѣтскаго образованія между особыми учрежденіями, — духовную академію съ университетомъ, представляя живой и наглядный примѣръ гармоническаго сочетанія богословія съ прочими—свѣтскими науками. Будучи, какъ церковный историкъ, богословомъ по профессіи, онъ не только былъ весьма далекъ отъ пренебрежительнаго отношенія къ свѣтской учености, но самымъ дѣломъ доказывалъ признаніе высокаго значенія ея. Но въ тоже время, съ уваженіемъ и интересомъ относясь къ свѣтскимъ наукамъ, высшую цѣль ихъ онъ видѣлъ въ свободномъ служеніи ихъ богословію, какъ высшей наукѣ въ системѣ человѣческихъ знаній, и онѣ призываются у него къ этому служенію.

Невольно напрашивается при этомъ на сравненіе, когда приходится говорить о Василіи Васильевичѣ, какъ ученомъ, о его стремленіяхъ, между прочимъ, и о его преждевременной кончинѣ,—духовный образъ и стремленія другого замѣчательнѣйшаго представителя русской науки второй половины XIX столѣтія, въ буквальномъ почти смыслѣ современника Василія Васильевича, родившагося лишь годомъ раньше послѣдняго и скончавшагося, также преждевременно, нѣсколькими мѣсяцами позже [1]), успѣвшаго однако еще почтить Василія Васильевича краткимъ некрологомъ, слова изъ котораго были приводимы выше,—образъ такого же подвижника науки, какъ и Василій Васильевичъ, философа Владиміра Сергѣевича Соловьева. Въ качествѣ философа В. Соловьевъ и былъ именно проповѣдникомъ идеала цѣльнаго знанія, какъ всесторонняго синтеза богословія, философіи и положительной науки, причемъ богословіе является вершиною и центромъ, въ которомъ знаніе получаетъ свое абсолютное содержаніе и высшую цѣль.

Какъ философъ, В. С. Соловьевъ возвышается отъ разума къ вѣрѣ, отъ свѣтской науки приходитъ къ богословію. Этому соотвѣтствовалъ до извѣстной степени и внѣшній ходъ его образованія: отъ университета, гдѣ онъ слушалъ курсы по физико-математическому и историко-филологическому факультетамъ, онъ перешелъ къ академіи, гдѣ слушалъ курсы философіи и богословія. В. В. Болотовъ является бого-

---

[1]) В. В. Болотовъ родился 1 янв. 1854 г.—† 5 апр. 1900 г.; В. С. Соловьевъ род. 16 янв. 1853 г.—† 31 іюля 1900 г.

словомъ, стоящимъ на положительно-религіозной точкѣ зрѣнія, и изъ богословія, такъ сказать, исходитъ къ другимъ, свѣтскимъ наукамъ, чтобы привлечь ихъ на службу богословію.—Философскій умъ Соловьева побуждаетъ его витать по преимуществу въ области идей, хотя онъ обнаруживаетъ самое широкое знакомство и съ фактическою дѣйствительностію. Положительный умъ Василія Васильевича заставляетъ его всюду держаться строго фактической почвы, хотя для него вполнѣ доступна и область идей.

Можно бы и далѣе проводить параллели. Соловьева находятъ возможнымъ сравнивать, какъ мыслителя, по возвышенности, разносторонности и оригинальности ума съ Оригеномъ, имѣя при этомъ въ виду и своеобразность взглядовъ того и другого въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ православной точки зрѣнія. Можно сравнить съ Оригеномъ, великимъ богословомъ - полигисторомъ древности, и Василія Васильевича, спеціально занимавшагося его изученіемъ, именно по широкой дѣятельности его и интересамъ, какъ положительнаго богослова, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что онъ былъ строго вѣренъ православію. Характерно при этомъ, въ частности, что Соловьевъ—философъ, слѣдовательно представитель свободы мышленія, обращаясь къ религіи, искалъ внѣшняго видимаго авторитета и находилъ его, въ теченіе нѣкотораго по крайней мѣрѣ времени,—въ папствѣ. Василій Васильевичъ—богословъ на положительной почвѣ внѣшняго откровенія, исходя изъ фактическихъ основаній, съ особой силой возставалъ противъ папства, какъ врага православія и вмѣстѣ свободнаго мышленія.

Но въ основѣ возможности всѣхъ подобныхъ параллелей между замѣчательнѣйшимъ русскимъ философомъ и замѣчательнѣйшимъ русскимъ богословомъ конца XIX вѣка лежитъ главнымъ образомъ то, что оба они, при различіи въ складѣ ума и въ частнѣйшихъ точкахъ зрѣнія, одинаково стремятся, каждый въ своей сферѣ, къ полному, всестороннему знанію, и для каждаго центромъ является богословіе. Одинъ-философъ—приходитъ къ нему, другой—богословъ—исходитъ изъ него, чтобы воспользоваться всѣмъ, чѣмъ возможно, для цѣлей его. Первый разъясняетъ касательно философіи и положительныхъ наукъ, что внѣ отношенія къ богословію онѣ являются лишенными настоящаго смысла и значенія, не имѣющими истинной цѣли для себя. Второй примѣромъ своей дѣятельности показываетъ, насколько, съ другой стороны, важнымъ

и необходимымъ средствомъ для самого богословія оказываются свѣтскія науки и насколько полезно для богослова, при развившейся нынѣ и необходимой по существу спеціализаціи наукъ, не заключаться исключительно въ область своей спеціальности и быть знакомымъ съ другими, повидимому, даже отдаленными отъ богословія, областями знанія.

По степени же стремленія своего къ познанію истины тѣмъ или инымъ путемъ, заставлявшаго ихъ въ буквальномъ смыслѣ забывать все земное, и тотъ и другой представляютъ примѣръ, который говоритъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Библиотека ООН